

В тот день Сюйлегээр собрал старейшин племени, чтобы решить судьбу Цицигэ.

Цицигэ была дочерью Уладацзиня, вождя народа Шуйи. Когда отец Сюйлегэера был еще жив, семьи условились обручить детей, когда Сюйлегэеру исполнится восемнадцать. Однако за год до назначенного срока на племя Сюэди вероломно напал народ Заомань. Племя было почти истреблено, а выжившие были вынуждены бежать, точно бездомные псы.

Тогда народ Шуйи поспешил отречься от договора, и Сюйлегээр, понимая положение дел, не стал настаивать на браке. Но за последние годы, когда слава о его доблести и свирепости разнеслась по всей степи, влияние Сюэди начало стремительно расти. И тогда вождь Шуйи внезапно вспомнил о старом уговоре, вознамерившись во что бы то ни стало отправить Цицигэ к Сюйлегэеру, дабы они «взрастили друг в друге чувства».

— Вождь, если мы отошлем Цицигэ обратно, Уладацзинь может затаить горькую обиду, — произнес кто-то из старейшин.

— Она была дерзка и посмела поднять руку на госпожу Сюэди. Я сохранил ей жизнь лишь из уважения к старой дружбе между нашими народами, — отрезал Сюйлегээр.

Он приказал Багэну завтра же на рассвете сопроводить девушку домой. Тон вождя был столь решителен, что никто не посмел возразить.

— Бедная Цицигэ, — шептались люди. — Кто же знал, что вождь будет оберегать эту женщину из Ся как зеницу ока?

— Первая женщина вождя, неудивительно, что он выделяет её среди прочих. Да и с таким лицом... Любой бы на его месте потерял голову.

Старейшины, увидев, как рьяно Сюйлегээр защищает свою супругу, начали заново оценивать место Линь Чжаочжао в племени. Те, кто был поумнее, вернувшись домой, сразу наказали своим близким: ни в коем случае не пренебрегать «иноземной госпожой» из-за её происхождения.

Когда Сюйлегээр вышел из совета, солнце уже клонилось к закату. Он натянул поводья, остановившись у главной стоянки: его взору предстала удивительная картина. Тот, кто обычно не покидал юрту, сейчас стоял в окружении подростков и, держа в руках свиток, увлеченно им что-то рассказывал.

— «Обучай, сообразуясь с обстоятельствами; действуй, исходя из выгоды». Если перед вами превосходящие силы врага, а вы, как советовал Шалалигэ, пойдете в любовую атаку, то каждому воину Сюэди придется биться против четверых. Это верная гибель.

— Но если врагов так много! Как же тогда победить?! — Шалалигэ в замешательстве чесал

затылок.

— В истории было бесчисленное множество битв, где малые силы побеждали великие. И у каждой победы был свой секрет... — Чжаочжао осекся, почувствовав на себе пристальный взгляд пары зорких, как у волка, глаз.

— Ну какой секрет?! Рассказывай же! — наперебой закричали юноши, видя, что рассказчик замолчал.

— Уже поздно, в другой раз закончим, — Линь Чжаочжао неловко свернул свиток, видя приближающегося вождя.

— Ты что творишь?! На самом интересном месте! Если сегодня не доскажешь, я буду ходить за тобой по пятам, пока не выведаю всё! — Шалалигэ вскочил, полный азарта, и даже не заметил, что за его спиной уже вырос старший брат.

— Шалалигэ, — раздался ледяной голос.

Юноша вздрогнул всем телом, ноги его подкосились, и он мешком осел обратно на землю.

— Когда же ты наконец наберешься ума? — Сюйлегээр прошел мимо брата, не удостоив его взглядом.

— Я... я просто споткнулся! Ноги затекли сидеть, вот и всё! И вовсе я тебя не испугался! — Шалалигэ залился краской и закричал вслед брату.

Сюйлегээр проигнорировал его, подойдя прямо к Линь Чжаочжао:

— Раны на ногах еще не зажили, зачем ты вышел?

— Захотелось... подышать свежим воздухом... — Чжаочжао почувствовал укол совести, не зная, слышал ли вождь его рассуждения о стратегии.

— В степи ветер холодный, простудишься, — Сюйлегээр заметил, что лицо Чжаочжао побледнело.

— Я соберу книги... и пойду, — тихо ответил тот.

— Вы, — Сюйлегээр посмотрел на Шалалигэ и остальных. — Уберите здесь всё.

— С какой стати?! — Шалалигэ вскочил, гневно глядя на брата.

— Я сам, я всё сделаю, — поспешно вмешался Чжаочжао, видя, что братья готовы взорваться, точно два пороховых погреба.

— Стой. Пусть они убирают, — Сюйлегээр перехватил Чжаочжао за запястье и сурово взглянул на младшего.

Братья уставились друг на друга, сцепившись взглядами.

— Сухэ, — Линь Чжаочжао подал знак слуге, чтобы тот начал собирать драгоценные свитки. А сам сделал шаг вперед, вклиниваясь между братьями. Вздохнув, он мягко произнес, обращаясь к юношам: — Я сегодня говорил так много, что совсем выбился из сил. Поможете мне прибраться?

Подростки, услышав столь вежливую просьбу от красавицы, смутились и дружно закивали. Даже Шалалигэ, хоть и продолжал злиться на брата, заметно смягчился.

— Ладно уж, уберем, — буркнул он, пока друзья удерживали его за рукав, не давая наговорить лишнего.

— За целый день я так наболтался, что проголодался, — Чжаочжао легонько подтолкнул вождя в бок. — Пойдем.

Всего пара мягких слов — и напряжение, висевшее в воздухе, бесследно исчезло. Подростки лишь диву давались: эта женщина из Ся была удивительной. Мало того что она рассуждала о войне наравне с мужчинами, так еще и умудрялась приручать двух самых свирепых «волков» в племени.

Вернувшись в юрту, Чжаочжао присел на ложе, наблюдая, как Сюйлегээр молча зажигает светильники. Один за другим вспыхивали огни, освещая лицо вождя.

«Этот дикарь дуется», — подумал Чжаочжао, нахмутив изящные брови.

Для любого другого Сюйлегээр выглядел как обычно — суровым воином, на чьих плечах лежит судьба народа. Но Чжаочжао видел скрытую обиду в каждом его движении. Будучи непризнанным бастардом в доме Линь и рано потеряв мать, он с детства научился читать по лицам. А Сюйлегэера он знал слишком хорошо.

— Эх... — Линь Чжаочжао демонстративно и тяжело вздохнул.

Мужчина не шелохнулся. Чжаочжао вздохнул еще раз, громче прежнего. Наконец Сюйлегээр обернулся.

— Больно... — простонал Чжаочжао.

— Что? Где болит? — Вождь в мгновение ока оказался рядом. Голос его оставался резким, но в нем отчетливо слышалась тревога.

— Вот здесь болит, — Чжаочжао задрал рукав, обнажая запястье. — Кое-кто схватил меня так сильно, будто хотел руку сломать!

На белоснежной коже красовался бледный след от пальцев. Увидев это, прославленный воин, привыкший к виду крови, оцепенел. Он опустил голову, глядя на руку Чжаочжао. Хотел осторожно взять её, но так и не решился коснуться, боясь причинить новую боль.

— Прости, — спустя долгую паузу хрипло выдал он.

Услышав это извинение, Линь Чжаочжао вдруг вспомнил такие же слова, что вождь шептал ему перед смертью в прошлой жизни. В груди Чжаочжао что-то болезненно сжалось.

— Да не больно мне совсем. Я подразнить тебя хотел, а ты и поверил, — он поспешно опустил рукав. — У меня кожа такая: чуть задень — и сразу синяк. Люди вечно думают, будто меня кто-то обижает.

— Нет, это моя вина, — в голосе Сюйлегезэ звучала горечь. Он обещал оберегать его, а сам же и ранил спустя несколько дней.

— Ну что ты за упрямец, — вздохнул Чжаочжао. — Видно, с тобой и шутить нельзя.

— Я и впрямь человек скучный, — Сюйлегезэ опустил глаза. — Неудивительно, что тебе интереснее говорить с Шалалигэ. А я даже не знал, что ты понимаешь наш язык.

— С чего ты взял, что мне интереснее... — Чжаочжао осекся, и вдруг его осенило. — Постой... ты что, ревнуешь?

— ... — Вождь хранил угрюмое молчание, но кончики его ушей предательски покраснели.

Неужели он и правда угадал? Чжаочжао был поражен: кто бы мог подумать, что грозный владыка степей — такой «уксусный кувшин» [1], которого задевает даже разговор с мальчишками.

— Он же твой родной брат, — напомнил Чжаочжао. К тому же — совсем еще ребенок.

— Но он заглядывается на тебя. И сам в этом признался. — При воспоминании о том, как они

весело болтали, лицо Сюйлегезра потемнело. «Он — мой. И он никогда не улыбался мне так».

— Не суди его строго. Он еще мал, просто засмотрелся на красивое лицо, — Чжаочжао не знал, как еще оправдать мальчишку. — Подрастет, встретит свою любовь и всё поймет.

— Не его винить, так кого же? — Огонь в груди Сюйлегезра разгорелся с новой силой оттого, что Чжаочжао защищал брата.

— Ну вини... меня? За то, что я слишком красив? — Чжаочжао кокетливо моргнул.

Блеск его глаз заставил Сюйлегезра растеряться. Гнев начал утихать, сменяясь неловкостью.

— Ладно, не злись на брата. Если вы из-за этого рассоритесь, в хрониках напишут, что я — роковая женщина, погубившая мир между братьями.

— Ты — моя жена. Кто посмеет такое написать? — нахмурился вождь.

— О, ты недооцениваешь книжников! Даже любимые наложницы императора не застрахованы от их ядовитых кистей, — заметил Чжаочжао.

— Значит, ваш император никчем, — холодно отозвался Сюйлегезр. — Зачем держать при дворе тех, кто не является твоим голосом? Тому, кто посмеет написать лишнее — отрубить руку. Тому, кто скажет лишнее — отрубить голову.

Линь Чжаочжао невольно вздрогнул. Только этот дикарь мог так буднично рассуждать о подобных вещах.

— Да-да, ты у нас куда храбрее императора Ся! Но я проголодался. Мы будем ужинать? — примирительно спросил он.

— Я велю Агусу принести еду.

Глядя ему в спину, Линь Чжаочжао подумал: «Слава богам, что амбиции Сюйлегезра не выходят за пределы степи. Если такой человек однажды сядет на трон Ся, историкам придется вписывать в летописи еще одного тирана».